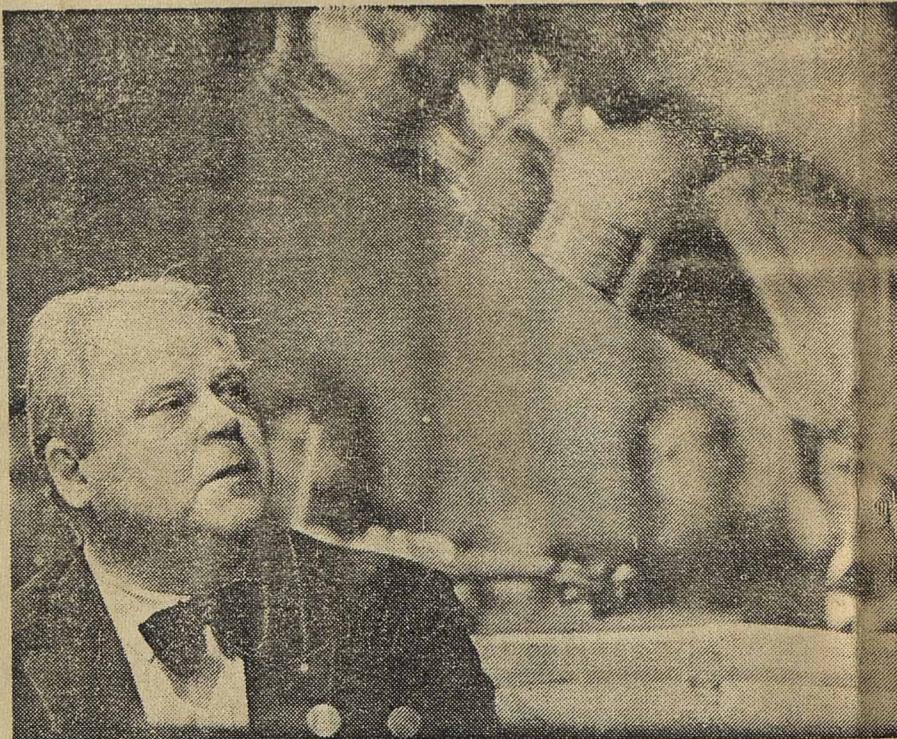

Тихон Хренников. Знаменитость с более устойчивой славой, чем у него, трудно себе представить. Композитор, музыкант, профессор, орденоносец, лауреат, депутат... Сколько еще слов, связанных как с искусством, так и с официозом, можно перечислить — не счесть. Напомним еще об одном факте. Более 40 лет Тихон Николаевич возглавлял Союз композиторов СССР. Согласитесь, своеобразный рекорд, которого наверняка не побить уже никому. Творчество и административная работа суть составляющие его жизни. И хотя признанный 79-летний мастер полон сил и энергии, все равно не мешает иной раз кинуть взгляд в ретроспективу, сравнить былое и нынешнее...

ТИХОН ХРЕННИКОВ:

Селье. — 1992. — 8-14 июня (№ 3). — С. 24.

«Я никогда не тяготел к интригам»

— Тихон Николаевич, как вы считаете, сейчас нам песня строить и жить помогает?

— Не уверен. Во всяком случае, большинство тех песен, что показывают по коммерческому телевизионному каналу, как мне кажется, однозначно не помогают. Песня должна проникнуть в сердце человека, а когда слышишь крик, ор, стук, гам, когда видишь эти дикие туземные пляски, то какие это может вызвать чувства? Никаких, кроме агрессивности. Это и к песне не имеет никакого отношения. Только вы поймите меня правильно. Я молодежную музыку огульно не отрицаю. Просто если брать телевидение, нужно соблюдать разумную пропорцию в пропаганде тех или иных музыкальных жанров. А сейчас эта пропорция явно смешена в пользу современной, я бы даже сказал, однодневной музыки. Это печально.

— Но когда вы были молодым, ведь тоже исполнялась музыка, отличная от классической? Были какие-то танцы, которые не всеми воспринимались с восторгом. Разве не так?

— Мне сложно сравнивать. Танцы моей молодости — это танго, фокстрот, вальс-бостон. Кто их сейчас танцует? Однако они стали классикой, а нынешние, уверен, не станут. Я, помню, даже ходил на занятия, где нас, композиторов, учили танцевать — для общего развития. Там же, кстати, познакомился со своей будущей женой Кларой Арнольдовной. Она по образованию журналист, работала в пресс-бюро нашей композиторской организации. Через год после знакомства, в 1936 году, мы поженились и так с тех пор и живем душа в душу.

— То есть она ваша первая и последняя любовь?

— Вероятно, да, чего не сказать о ней.

— В каком смысле?

— Клара, когда мы познакомились, уже была замужем, а я ее, так сказать, увел. У нас возникла любовь, из-за которой разрушали семью. По-другому просто быть не могло.

— Ее муж вас, простите, не пытался поколотить?

— (Смеется). Нет, до мордобоя дело не дошло. Борис был прекрасный, интеллигентнейший, воспитанный человек, высококлассный инженер-химик. Он бы себе такого не позволил. Конечно, он очень переживал, плакал. Помню тот день, когда я пришел забирать Клару. Они жили в троекратно маленькой комнатке: Клара, ее

мама и Борис. Скандала не произошло, но было тяжко. Рыдал Борис, рыдала Кларина мама, сама Клара, да и я вместе с ними. Но все же я был настроен решительно, очень решительно, взял ее вещи, и мы сразу же уехали ко мне на родину, в Елец, передохнуть. Билеты на поезд я купил заранее.

Что интересно, мы потом продолжали дружить с Борисом. Сначала он все приходил к Кларе, уговаривал вернуться, причем главным аргументом у него была моя неважничка, с его точки зрения, фамилия. «Ты, — говорил он ей, — теперь Хренникова. Ну разве это дело? А ведь была Зубович!» Затем он остыл, успокоился, вновь женился, у него родился сын, и мы поддерживали добрососедские отношения. Я ему помогал не раз.

— Вы испытывали угрызения совести из-за того, что разрушили семью?

— С одной стороны, конечно, испытывал. Скажем так, мне было жалко Бориса. Но ведь я же Клару полюбил безумно! И она меня полюбила. Куда деваться от любви? К тому же мы оба молоды были, 23 года, молодость — это такое время, когда все нипочем. А Борис был ее несколько старше, прожили они недолго, детей не завели — этим я себя успокаивал и оправдывал...

— ...И заодно наверняка извлекли для себя полезный урок, как опасно не иметь детей?

— В начале 1941 года у нас родилась дочь Наташа. Сейчас она работает главным художником в одном из московских театров. Кстати, я не только отец и дедушка, но уже давно прадедушка. У нас с Кларой двое правнуков — семилетняя Вика и четырехлетний Тиша, названный в мою честь. Их отец и мой внук Андрей Коровей, между прочим, ваш коллега. Он закончил Институт международных отношений, специальность — журналистика, работал в «Собеседнике», вел там рубрику «Рок-Обзор», а недавно перешел в музикальный центр Стаса Намина. Он большой специалист в области рок-музыки.

— У вас с ним не бывает споров по поводу музыкальных пристрастий?

— Зачем нам спорить, мы же из разных поколений. Андрей давал мне послушать некоторые роковые вещи, и кое-что мне даже нравилось. Да, в рок-музыке есть свои профессионалы — и композиторы, и музыканты. Но наряду с ними на поприще этого музыкального жанра толчется столько малограмотных людей, столько диле-

ттов, что они, образно говоря, не дают расслышать действительно хорошую, интересную музыку. Я уже давно говорил, что дилетантизм — это то, что нас всегда губило и продолжает губить. Причем дилетантизм не только в музыке, а на всех уровнях, начиная с государственного. И длится это уже давно. А с чего все началось? С известной фразы: «Куда тебя партия поставит, там и будешь работать». И точка.

— Но с вами-то, на мой взгляд, как раз наоборот получилось. Ведь с подачи партии, Сталина вас избрали в 1948 году первым секретарем Союза композиторов. А вы к тому времени уже были профессионалом в творчестве...

— А что я мог сделать? Я не мог отказаться, хотя никогда не готовил себя к общественной деятельности. Мне, кроме музыки, ничего другого не нужно было. Уже потом мне рассказали, что на меня, дескать, смотрели, как на орла, который должен расправить свои крылья.

— Ну и как, расправили?

— Начнем с того, что я едва не погиб из-за этой должности. В начале 50-х годов началась борьба с космополитами, а в Союзе композиторов было много евреев. Что я пережил — страшно вспоминать! На меня стали давить со всех сторон, чтобы я любыми способами освобождал союз от евреев. Каждое утро я вынимал из почтового ящика листки с рисунками. Там на них меня то вешали, то несли на кладбище, то почему-то я сидел на электрическом стуле. А еще меня вызывали к себе Суслов, показывали доносы, где было написано, что я еврейский выкорьыш, потому что, мол, не расправляюсь с евреями. Причем доносы написали мои коллеги и хорошие знакомые. Но я не мог им сказать о том, что знаю их личину, что мне все известно. По складу своего характера я никогда не тяготел к интригам, а тут попал как кур в оцинк.

Весь этот прессинг вылился в продолжительную болезнь. У меня началось истощение нервной системы, я не мог ходить, стал терять зрение. Едва не умер от бессонницы, не спал 15 суток подряд. Спасибо Кларе! Она вывозила меня в Подмосковье, на природу, и целый год ушел на то, чтобы восстановить здоровье.

— Вы как-то связывали те ужасы, что творились в стране, со Сталиным?

— Нет, не связывал ни при каких обстоятельствах. А моих близких ведь и ре-прессии коснулись. Нас было 10 детей в семье, 6 мальчиков и 4 девочки, причем я — самый младший. Так вот, в 1937 году двух моих братьев, Николая и Бориса, арестовали. Я начал невероятную борьбу за их освобождение. Залез в долги, но нанял одного из лучших московских адвокатов и повез его в Елец на суд. Адвокат блестяще провел процесс, и в результате Николая освободили. Как выяснилось, его

арестовали по доносу. А Борю не удалось спасти, он погиб в северном лагере в 1943 году. Но мы тогда не думали, что это Сталин всему виной, считали, что окружение за его спиной уничтожает неповинных людей.

— Тихон Николаевич, вспомните, пожалуйста, когда вы маленьким были, в вашей семье никто не голодал?

— Нет. Я понял ваш вопрос. До революции мой отец, Николай Иванович, работал приказчиком. Мама, Варвара Васильевна, естественно, занималась домашним хозяйством. Жалованья отца вполне хватало на то, чтобы прокормить такую большую семью, как наша. Сколько, интересно, в наше время нужно получать, чтобы содержать десятерых детей? После революции, разумеется, жить стало хуже, но тоже не настолько, чтобы кто-то умирал от голода. К тому времени уже старшие подросли и помогли поставить на ноги младших.

— Про вас привыкли говорить: счастливая жизнь, счастливая судьба. Положа руку на сердце, вы счастливы?

— Я счастлив, потому что всю жизнь занимался любимым делом — музыкой. Сочинением музыки, исполнением музыки, слушанием музыки.

— Вы так легко говорите об этом, как будто и не было тех сорока с лишним лет, что вы занимались административной работой. Помните, про вас даже эпиграмму сложили: «Ему и «В бурю» шепчет «Мать»: «Сыночек, меньше б заседай!»

— Ох уж эти заседания. Поначалу, когда я возглавил Союз композиторов, мне стало страшно. Как так? Придется ежедневно куда-то ходить, решать различные проблемы. Мне это диким казалось. Но, повторяю, отказаться я не мог, и постепенно пришло втянуться. Приучил себя, что до обеда я работаю за роялем, а после обеда — в Союзе композиторов. Я приспособился переключаться и большую часть своей жизни, считайте, прожил на переключениях. Но одно дело самому планировать свое время, другое — когда его планируют за тебя. Скажем, сижу я дома за партитурой, вдруг — телефонный звонок. Какое-нибудь срочное дело нужно решить. Положишу трубку, а в голове уже от музыкальных мыслей и следа не осталось. Опять же заседания все эти бесконечные, съезды и тому подобное много времени отнимали. Но я смирился.

Всю жизнь терпеть не мог писанину. Между прочим, те доклады, что я в разное время читал, — они не целиком мои. Если бы я их сам сочинял, у меня на музыку времени бы совсем не осталось.

— И все же для меня остается загадкой, как вы столько лет могли совмещать творчество и рутину?

— Переключался. Я не стану лукавить. Я отдаю себе отчет в том, что если бы не занимался общественной работой, то написал бы гораздо больше музыки. Сколько планов, идей осталось нереализованными — больно вспоминать. Но, с другой стороны, вы поймете, я же не сам себя назначал сорок лет подряд руководить Союзом композиторов. Меня избрали тайным голосованием, это тоже о чем-то говорит. Я чувствовал, что и на этом месте от меня есть польза. Ведь за все эти годы Союз композиторов превратился из хилого в мощное творческое объединение.

— Каково нынешнее материальное положение композиторов, в дни, когда большинству людей, мягко скажем, не до музыки?

— Сейчас, конечно, композиторы, как, впрочем, и все остальные люди, живут хуже, чем раньше. И это понятно. Но и в прежние времена, насколько я представляю, на авторские гонорары, то есть своим профессиональным трудом, жили единицы. Все, как правило, где-то подрабатывают — в музыкальных школах, на радио, на телевидении, в редакциях, в трактирах.

— Тихон Николаевич, извините за нескромный вопрос, наверное, немало ушло гонораров на то, чтобы купить этот прекрасный черный рояль, что стоит у вас в кабинете?

— А это не мой рояль.

— То есть как?

— Вот так. Прокатный. Я уже давно взял его напрокат в Союзе композиторов.

— Неужели вам не хочется иметь свой собственный рояль?

— Разумеется, хочется. Но хороший «Стейнвей» стоит сейчас где-то около ста тысяч долларов. У меня таких денег сроду не водилось.

Беседовал
Дмитрий ИВЛИЕВ.
Фото ИТАР-ТАСС.